

Милтон Фридман. Свобода выбирать

Книга одного из самых влиятельных современных экономистов Милтона Фридмана и его жены Роуз Фридман «Свобода выбирать» относится к числу наиболее известных произведений либеральной мысли второй половины XX века. Отстаивая ценности индивидуальной, экономической и политической свободы, авторы приводят убедительные доказательства неэффективности бюрократии и избыточности ее вмешательства в жизнь общества на примере государственных систем соцобеспечения, образования, финансового регулирования, лицензирования различных товаров и видов деятельности.

Милтон Фридман, Роуз Фридман. Свобода выбирать: наша позиция. – М.: [Новое издательство](#), 2007. – 356 с.

История Соединенных Штатов — это история экономического, но также и политического чуда, ставших возможными благодаря применению на практике двух наборов идей, которые по любопытному стечению обстоятельств были сформулированы в документах, опубликованных в одном и том же 1776 году. Один ряд идей нашел свое выражение в Богатстве народов, шедевре, сделавшем шотландца [Адама Смита](#) отцом современной экономической науки. Другой ряд идей был воплощен в Декларации независимости, в которой [Томас Джефферсон](#) выразил господствующее умонастроение своих соотечественников. Она провозгласила образование новой нации, которая впервые в истории утвердила принцип, согласно которому каждый индивид имеет право руководствоваться своими личными ценностями: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью».

Экономическая свобода — важнейшая предпосылка политической свободы. Давая людям возможность организовывать совместную деятельность без принуждения или централизованного управления, она ограничивает сферу действия политической власти. Кроме того, свободный рынок обеспечивает рассредоточение власти и таким образом предотвращает чрезмерное усиление государства.

Идеалом Джефферсона, сформулированным им в его первой инаугурационной речи в 1801 году, являлось «мудрое и бережливое правительство, которое удерживало бы людей от причинения вреда друг другу и во всех других отношениях предоставляло бы им свободу самим распределять усилия между трудом и совершенствованием».

С приходом Великой депрессии начала 30-х годов отношение к государству начало меняться. Причиной депрессии была неудача правительства в денежной сфере, где оно осуществляло власть еще с зарождения республики. Тем не менее ответственность правительства за депрессию не признавалась ни тогда, ни теперь. Напротив, депрессия широко трактовалась как несостоятельность свободного рыночного капитализма. Этот миф соблазнил общественность присоединиться к изменившейся точке зрения интеллектуалов на взаимную ответственность людей-индивидов и

правительства. Если раньше упор делался на ответственность человека за свою собственную судьбу, то теперь человек рассматривался как пешка, на которую воздействуют силы, находящиеся вне его контроля. Представление, согласно которому роль правительства заключается в том, чтобы служить третьей стороной, удерживающей людей от взаимного насилия, сменилось другим, в соответствии с которым правительство должно играть роль отца, наделенного обязанностью принуждать одних к оказанию помощи другим.

Один политический курс сменялся другим с целью «регулирования» «распределения наших усилий между трудом и совершенствованием» ставя изречение Джефферсона с ног на голову. Человек, имеющий намерение с помощью правительственного вмешательства служить только общественным интересам, «невидимой рукой направляется» к продвижению частных интересов, хотя эта цель «не входила в его намерения».

Мы должны осознать, почему попытки заменить добровольное сотрудничество централизованным управлением могут нанести столько вреда. У нас есть возможность подтолкнуть изменение общественного мнения в сторону большего доверия к частной инициативе и добровольному сотрудничеству, а не к ее противоположности — тоталитарному коллективизму.

Глава 1. Власть рынка

Ни одно общество не функционирует целиком и полностью на командных принципах, и точно так же ни одно из них не опирается исключительно на добровольное сотрудничество. Большая разница заключается в том, каково это сочетание: является ли добровольный обмен изначально нелегальной деятельностью, которая процветает в силу негибкости доминирующего командного элемента, либо добровольный обмен является доминирующим принципом организации, дополняемым в большей или меньшей мере командными элементами. Нелегальный добровольный обмен может удержать командную экономику от коллапса, может помочь ей просуществовать какое-то время и даже достичь некоторого прогресса. Однако он вряд ли приведет к подрыву тирании, на которой покоится преимущественно командная экономика. С другой стороны, экономика, в которой доминирует добровольный обмен, обладает потенциалом процветания и личной свободы. Она может не раскрыть полностью свой потенциал в каком-либо отношении, но мы не знаем ни одного общества, достигшего процветания и свободы, в котором бы добровольный обмен не являлся доминирующим принципом организации.

Ключевая идея книги А. Смита «Богатство народов» обманчиво проста: если обмен между двумя сторонами является добровольным, то он осуществится только в том случае, если каждая из сторон будет уверена в том, что извлекает из него выгоду. Гениальное прозрение А. Смита заключалось в осознании того, что экономический порядок может возникнуть как непреднамеренный результат действий множества людей, преследующих собственные интересы, была поразительна в его время и остается таковой и по сей день.

Роль цен. В процессе организации экономической деятельности цены выполняют три функции: передают информацию; создают стимулы для внедрения менее затратных способов производства и, таким образом, позволяют направлять имеющиеся ресурсы на наиболее значимые цели; определяют, кто и сколько получает, т.е. распределяют доход. Все, что препятствует ценам свободно отражать условия спроса или предложения, оказывает влияние на точность информации. Частная монополия, т.е. контроль над каким-либо товаром со стороны одного производителя или картеля, — это один пример. Это не препятствует передаче информации посредством системы цен, но искажает передаваемую информацию.

В наши дни правительство является основной помехой для системы свободного рынка, работу которого оно сбивает с помощью тарифов и других ограничений в международной торговле, фиксации или иного воздействия на отдельные цены на внутреннем рынке, включая заработную плату, правительственного регулирования отдельных отраслей, денежной и фискальной политики, вызывающей переменчивую инфляцию, и множества других мер.

Для организации производства наиболее важной является информация об относительных ценах, т.е. цене одного продукта по сравнению с другим. Высокая инфляция, и особенно переменчивая инфляция, заглушает эту информацию бессмысленными помехами. Доход производителя — что он

получает от своей деятельности — определяется как разница между объемом продаж и затратами. Он сравнивает одно с другим и производит такой объем продукции, что небольшой прирост производства дает равное повышение его затрат и его прибыли. Повышение цен сдвигает этот предел.

Только люди могут получать доходы, и они извлекают их рыночным путем из ресурсов, которыми владеют в форме корпоративного капитала, ценных бумаг, земли или собственных способностей. В таких странах, как Соединенные Штаты, основным производственным ресурсом являются личные способности людей, то, что экономисты называют «человеческим капиталом». Примерно три четверти всех доходов, получаемых в США в результате рыночных операций, принимают форму вознаграждения наемных работников (зарплат и жалованье плюс дополнительные выплаты).

Количество каждого вида ресурсов, находящихся в нашей собственности, является отчасти делом случая, отчасти выбора, сделанного нами или другими людьми. Случай определяет наши гены и, соответственно, наши физические и умственные способности. Случай определяет характер семейной и культурной среды, в которой мы рождены, и, соответственно, возможности развивать наши физические и умственные способности. Но выбор также играет важную роль. Наши решения о том, как использовать наши ресурсы, тяжело трудиться или не утруждать себя, поступать на ту или иную работу, открыть то или иное дело, сберегать или тратить — все это может привести к растрате или, наоборот, к приумножению и улучшению ресурсов.

В каждом обществе, как бы ни было оно организовано, всегда существует неудовлетворенность распределением доходов. Всем нам бывает трудно понять, почему мы должны получать меньше тех, кто, как нам кажется, меньше этого заслуживает, или почему мы должны получать больше, чем многие другие, чьи нужды кажутся столь же большими, а заслуги не меньшими. Трава на дальних пастбищах кажется зеленее, и потому мы обвиняем существующую систему. В командной системе зависть и неудовлетворенность направляются на правителей. В свободной рыночной системе они направлены на рынок. Одним из следствий этого явилась попытка отделить функцию распределения доходов от других функций системы цен — передачи информации и создания стимулов. Большая часть деятельности правительств во второй половине XX века в США и других странах, которые в основном полагались на рынок, была направлена на изменение механизма распределения доходов, порождаемых рынком, ради обеспечения иного, более равномерного распределения доходов.

Как бы нам этого ни хотелось, невозможно использовать цены для передачи информации и создания стимулов действовать на основе этой информации и при этом не использовать цены для воздействия на распределение доходов.

«Невидимая рука» Адама Смита обычно рассматривается по отношению к купле-продаже товаров и услуг за деньги. Но экономическая деятельность ни в коей мере не является единственной сферой человеческой жизни, где непреднамеренным итогом сотрудничества множества людей, преследующих свои собственные интересы, оказывается сложная и тонкая структура. Рассмотрим, например, язык. Ценности общества, его культура и обычаи — все это развивается точно так же на основе добровольного обмена, спонтанного взаимодействия, эволюции сложной структуры путем проб и ошибок, принятия и отторжения. Ни один монарх не издавал декрет, предписывающий, чтобы музыка, которая нравится жителям Калькутты, коренным образом отличалась от музыки, доставляющей удовольствие жителям Вены.

Структуры, созданные в ходе добровольного обмена, будь то язык, научные открытия, музыкальные стили или экономические системы, живут своей собственной жизнью. Они обладают свойством принимать различные формы под воздействием обстоятельств. Добровольный обмен может порождать в определенных отношениях единообразие, а в других — разнообразие. Это тонкий процесс, общие принципы функционирования которого достаточно легко постичь, но почти невозможно с точностью предсказать его результаты. Эти примеры указывают не только на широкие возможности добровольного обмена, но и на необходимость более широкого понимания того, что такое «личный интерес». Узкая озабоченность экономическим рынком привела к узкому пониманию «личного интереса» как близорукого эгоизма, как исключительной заинтересованности в немедленном материальном вознаграждении.

Экономическую науку всегда обвиняли в том, что она делает далеко идущие выводы из совершенно нереалистичной концепции «экономического человека», который представляет собой лишь

вычислительную машину, реагирующую только на денежные стимулы. Это — огромная ошибка. «Личный интерес» — это не близорукий эгоизм. Это на самом деле интересы участников, их ценности, цели, которые они преследуют.

Какой должна быть роль правительства. Трудно дать лучший ответ на этот вопрос, чем это сделал Адам Смит более двух веков назад: государю надлежит выполнять только три обязанности, во-первых, ограждать общество от насилий и вторжения других независимых обществ; во-вторых, ограждать по мере возможности каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, или обязанность установить хорошее отправление правосудия, и, в-третьих, создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть в интересах отдельных лиц или небольших групп, потому что прибыль от них не сможет никогда оплатить издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя и сможет часто с излишком оплатить их большому обществу».

Главная проблема, связанная с достижением и сохранением свободного общества, заключается именно в обеспечении того, чтобы силы принуждения, предоставленные правительству ради сохранения свободы, были ограничены этой функцией и не превратились в угрозу свободе. Мы должны совершенствовать методы изучения выгод и издержек, порождаемых вмешательством правительства, и требовать явного превышения выгод над издержками прежде, чем принять ту или иную меру.

Четвертой обязанностью правительства, которую Адам Смит не упоминает явным образом, является защита «недееспособных» членов сообщества.

В 1928 году расходы федерального правительства составляли примерно 3% национального дохода.

Наше общество — это то, что мы делаем из него. Мы можем формировать наши институты. Материальные и человеческие факторы ограничивают доступные нам альтернативы. Но никто не может помешать нам строить общество, которое при организации экономической и других видов деятельности полагается главным образом на добровольное сотрудничество. Общество, которое сохраняет и приумножает свободу человека, которое указывает правительству его место, оставляя его нашим слугой и не позволяя становиться нашим хозяином.

Глава 2. Тирания контроля

Рассматривая в «Богатстве народов» тарифы и другие ограничения в международной торговле, Адам Смит писал: То, что представляется разумным в образе действий любой частной семьи, вряд ли может оказаться неразумным для всего королевства. Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом... В любой стране главная масса народа всегда заинтересована в том, чтобы покупать все необходимое у тех, кто продает дешевле всего. Положение это настолько очевидно, что представляется смешным доказывать его, да оно и никогда не ставилось бы под сомнение, если бы хитрые, своекорыстные доводы купцов и промышленников не затуманили здравый смысл человечества.

Сегодня купцы и промышленники далеко не одиноки в «своекорыстном интересе». В самом деле, едва ли найдется хоть один человек, не связанный с «хитрыми, своекорыстными доводами» в той или иной сфере. Говоря бессмертными словами Поджо, «мы встретились с врагом, и они — это мы сами». Мы осуждаем «особые интересы», но только не тогда, когда это наш «особый интерес». От мер, проведенных в пользу других «особых интересов», мы теряем больше, чем выигрываем от мер, благоприятных для наших «особых интересов».

Регулирование внешней торговли обычно защищают, особенно в отношении слаборазвитых стран, как важное средство обеспечения развития и прогресса. Для бедной страны свобода торговли в стране и за рубежом является лучшим путем к повышению благосостояния своих граждан. Экономическое регулирование, которое распространилось в США в середине XX века, не только ограничило нашу свободу использования собственных экономических ресурсов, но также оказало воздействие на нашу свободу речи, печати и вероисповедания.

Международная торговля. Сегодня, как и всегда, тарифы пользуются большой поддержкой общественности под эвфемизмом «защита» — хороший ярлык для плохих дел. Сторонники импортных тарифов считают само собой разумеющимся, что создание рабочих мест всегда желательно, независимо от того, чем будет заниматься работник на данном рабочем месте. Это в корне неверно. Другое заблуждение, которое редко подвергается сомнению, заключается в том, что экспорт полезен, а импорт вреден. Истина заключается в обратном. Мы не можем есть, одевать или наслаждаться товарами, которые мы отправили в другие страны. Мы едим бананы из Центральной Америки, носим итальянскую обувь, ездим на немецких автомобилях, смотрим японские телевизоры. Наш выигрыш от внешней торговли заключается в тех товарах, которые мы ввозим в страну. Экспорт — это цена, которую мы платим за импорт.

«Протекционизм» в действительности означает эксплуатацию потребителя. «Благоприятный торговый баланс страны» на деле означает, что экспорт превышает импорт, т.е. сумма вывезенных за границу товаров больше, чем ввезенных. Ведя собственное домашнее хозяйство, вы наверняка предпочитаете меньше платить за большее, хотя применительно к внешней торговле это будет называться «неблагоприятным торговым балансом».

Другим источником «недобросовестной конкуренции» называют субсидии, предоставляемые иностранными правительствами своим производителям, что позволяет им продавать свои товары в США по ценам ниже себестоимости. Предположим, что это так. В конце концов, кто при этом проигрывает, и кто выигрывает? Для того чтобы платить субсидии своим производителям, иностранные правительства должны облагать налогами своих граждан. Именно налогоплательщики этих стран на самом деле оплачивают субсидии. Американские же потребители получают от этого выгоду. Они получают более дешевые телевизоры, автомобили и другие субсидируемые товары. Должны ли мы жаловаться на такую своеобразную иностранную помощь?

Почему, когда США безвозмездно отправляли товары и услуги за границу в виде помощи в рамках Плана Маршалла и позднее в виде иностранной помощи, это было «благородно», а когда иностранные государства оказывают нам косвенную помощь в виде продажи товаров и услуг ниже их стоимости, это «неблагородно»? Именно граждане этих иностранных государств имеют все основания для недовольства. Они должны испытывать на себе снижение уровня жизни в пользу американских потребителей и тех своих сограждан, которые владеют предприятиями в субсидируемых отраслях или работают на них. Очевидно, если такие субсидии вводятся неожиданно или бессистемно, это негативно сказывается на собственниках и работниках американских отраслей, производящих аналогичные товары. Впрочем, это обычный риск, связанный с ведением бизнеса. Предприниматели никогда не сетуют на необычные или случайные события, которые приносят им удачу.

Система свободного предпринимательства — это система прибылей и убытков. Любые меры, облегчающие приспособление к неожиданным изменениям, должны беспристрастно применяться как во внутренней, так и во внешней торговле. В любом случае нарушения бывают, как правило, временными. Предположим, что по какой-либо причине японцы решили очень сильно субсидировать сталелитейную промышленность. Если не будут введены дополнительные тарифы или квоты, импорт стали в США резко возрастет. Это приведет к снижению цен на сталь в США и заставит производителей сократить выпуск, что вызовет безработицу в сталелитейной промышленности. С другой стороны, изделия из стали станут дешевле. У потребителей этих изделий появятся лишние деньги, которые они смогут потратить на другие товары. Спрос на другие товары увеличится, и, следовательно, возрастет занятость на предприятиях, которые их производят.

В итоге нас ждет не чистое снижение занятости, а выигрыш в общем объеме производства продукции за счет того, что рабочие, которые не смогут больше производить сталь, будут производить другую продукцию. Аналогичное заблуждение, вытекающее из одностороннего взгляда на проблему, заключается в требовании введения тарифов в целях увеличения занятости. Введение тарифов на импорт текстиля приведет к увеличению производства и занятости в отечественной текстильной промышленности. Однако иностранные производители, которые не смогут больше продавать текстиль в США, получат меньше долларов. Теперь они смогут потратить в США меньше денег. Экспорт сократится, чтобы уравновесить сокращение импорта. В текстильной промышленности занятость увеличится, но при этом сократится занятость в отраслях-экспортерах. Сдвиг занятости в пользу менее производительных отраслей приведет к общему снижению

производства. На самом деле необходимость противостояния иностранной конкуренции, а не отсиживание за правительственными барьерами в большей мере способствовала бы развитию более сильной и более эффективной сталелитейной промышленности, чем мы имеем сегодня.

Рассмотрим аргумент о необходимости защиты доллара, недопустимости падения его курса по отношению к другим валютам. Это совершенно надуманная проблема. Если курсы обмена валют определяются на свободном рынке, они могут устанавливаться на любом равновесном рыночном уровне. Цена доллара, если она определяется свободно, выполняет те же самые функции, что и другие цены. Она передает информацию и создает стимулы действовать в соответствии с этой информацией, поскольку влияет на распределение доходов, получаемых участниками рынка. К чему тогда вся эта шумиха по поводу «слабости» доллара? Непосредственная причина заключается в том, что обменные курсы не определяются на свободном рынке. Центральные банки проводят широкомасштабные интервенции, чтобы повлиять на курсы своих валют.

На международной арене экономические структуры переплетены с политическими. Свобода международной торговли благоприятствует гармоничным отношениям между нациями, имеющими различную культуру и институциональную структуру, точно так же, как и свобода торговли внутри страны благоприятствует гармоничным отношениям между людьми, имеющими различные убеждения, взгляды и интересы.

Где бы мы ни находили сколько-нибудь заметную степень личной свободы, известную степень прогресса в материальном комфорте, доступного простым гражданам, и широко разделяемую надежду на дальнейший прогресс в будущем, мы также обнаруживали, что экономическая деятельность осуществлялась на принципах свободного рынка. Там, где государство брало на себя функции контроля каждого аспекта экономической деятельности граждан, где царило детализированное централизованное экономическое планирование, там простые граждане находились в политических окопах, имели низкий уровень жизни и мало возможностей повлиять на собственную судьбу. Государство между тем могло процветать и создавать величественные монументы.

Наиболее ярким примером служит контраст между Восточной и Западной Германией, некогда входившими в одно государство, а потом разделенными на две части превратностями войны. Эти две части были населены людьми одной крови, одной культуры, одного уровня образования и квалификации. Какая из них добилась процветания? За последние 50 лет в США мы далеко продвинулись по пути расширения роли правительства в экономике. Это вмешательство дорого стоило в экономическом плане. Ограничения, налагаемые на нашу экономическую свободу, угрожают положить конец двум векам экономического прогресса.

Неотъемлемой частью экономической свободы является свобода выбирать, как использовать наши доходы. В настоящее время правительство на федеральном, региональном (штатов) и местном уровнях распоряжается от нашего имени более чем 40% нашего дохода.

Власть большинства в ряде случаев — необходимое и желательное средство [достижения целей]. Однако это очень сильно отличается от той степени свободы, которой вы располагаете, делая покупки в супермаркете. Когда вы раз в году заходите в кабину для голосования, вы почти всегда голосуете за пакет, а не за отдельные пункты программы. Когда вы ежедневно «голосуете» в супермаркете, вы получаете именно то, что выбрали, как и любой другой покупатель. Избирательная урна создает согласие без единодушия; рынок — единодушие без согласия. Именно поэтому желательно использовать избирательную урну только для принятия таких решений, для которых согласие существенно.

Другой важной составной частью экономической свободы является свобода использовать ресурсы, которыми мы располагаем. Сегодня вы не можете свободно предложить свои услуги в качестве адвоката, врача, дантиста, сантехника, парикмахера, могильщика или выполнять многие другие работы, не получив сначала разрешение или лицензию у правительственного чиновника. Вы не можете работать сверхурочно на взаимоприемлемых для вас и вашего работодателя условиях, если они не удовлетворяют правилам и инструкциям, установленным правительственными чиновниками. Ограничения экономической свободы неизбежно оказывают воздействие на свободу в целом, даже на такие ее сферы, как свобода слова и печати. Свобода является единой и неделимой и все, что ущемляет свободу в какой-либо одной сфере нашей жизни, затрагивает свободу в других сферах.

Свобода не может быть абсолютной. Да, мы живем во взаимосвязанном обществе. Известные ограничения нашей свободы необходимы для того, чтобы избежать еще больших ограничений. Тем не менее мы зашли гораздо дальше этого предела. Сегодня настоятельная необходимость заключается в отмене ограничений, а не в их увеличении.

Глава 3. Анатомия кризиса

Депрессия, начавшаяся в середине 1929 года, была для США катастрофой беспрецедентного масштаба. В сфере идей последствием депрессии стала убежденность публики в том, что капитализм является нестабильной системой, обреченной на все более серьезные кризисы. Общественность присоединилась к взглядам, завоевывавшим растущее признание среди интеллектуалов — правительство должно играть более активную роль, чтобы противостоять нестабильности, порождаемой нерегулируемым частным производством.

Депрессия также привела к далеко идущим изменениям во взглядах профессиональных экономистов. Экономический коллапс разрушил давнюю веру, набравшую силу в 20-х годах, что денежная политика является мощным инструментом поддержания экономической стабильности. Взгляды сместились к почти противоположной крайности — «деньги не имеют значения». Джон Мейнард Кейнс, один из величайших экономистов XX столетия, выдвинул альтернативную теорию (подробнее см., например, [Джон Мейнард Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег](#)). Кейнсианская революция не только захватила умы профессиональных экономистов, но также предоставила привлекательное оправдание и рецепты широкого вмешательства правительства в экономику.

Мы имеем «банковскую систему с частичным резервированием». Такая система прекрасно функционирует до тех пор, пока каждый уверен, что он в любой момент может получить деньги со своего депозита, и поэтому обращается в банк за наличными деньгами только тогда, когда он действительно в них нуждается. Как правило, новые вклады наличных денег примерно уравновешивают снятие денег, так что небольшого резерва вполне достаточно, чтобы покрыть временную разницу. Но когда каждый вкладчик пытается получить всю сумму вклада наличными, ситуация в корне меняется — возникает паника.

Как можно остановить начавшуюся панику? Одним из способов остановки паники, использованных во время кризиса 1907 г., явилось согласованное ограничение банками платежей. Банки оставались открытыми, но они договорились между собой, что не будут выдавать наличные деньги по требованиям вкладчиков. Вместо этого они оперировали посредством бухгалтерских записей. Они учитывали чеки, выписанные одними своими вкладчиками другим вкладчикам, уменьшая суммы вкладов, зарегистрированных в их книгах на счетах одних вкладчиков, и увеличивая суммы на счетах других вкладчиков. Другой способ заключается в том, чтобы дать возможность надежным банкам быстро конвертировать свои активы в наличные деньги, но не за счет других банков, а предоставляя им дополнительные наличные деньги.

Двенадцать региональных банков, учрежденных в соответствии с Законом и подконтрольных Совету управляющих Федеральной резервной системы в Вашингтоне, были наделены полномочиями выступать в качестве «кредиторов последней инстанции» для коммерческих банков. Они могли выдавать такие кредиты как в денежной форме — банкнотами Федерального резервного банка, которые они были уполномочены эмитировать, так и в форме депозитных кредитов в своих счетных книгах, которые они также могли создавать магией бухгалтерского пера.

После того как в начале 1930-х годов Федеральная резервная система не смогла справиться с задачами, возложенными на нее при ее создании, в 1934 году был утвержден эффективный способ предотвращения паники. Была создана Федеральная корпорация страхования банковских вкладов, гарантирующая сохранность вкладов до определенного верхнего предела. Страхование дает вкладчикам уверенность в безопасности своих вкладов. В этих условиях банкротство или финансовые затруднения, испытываемые ненадежным банком, не вызывают наплыва требований о возврате вкладов к другим банкам. После 1934 года происходили банкротства банков и наплывы требований к отдельным банкам, но они не вызывали прежней банковской паники.

Федеральная резервная система оставалась полностью последовательной лишь в одном отношении. Она обвиняла во всех проблемах внешние факторы, находившиеся вне ее контроля, а все хорошее приписывала себе. Таким образом, она способствует распространению мифа о том, что частная экономика нестабильна, хотя ее собственное поведение неизменно свидетельствует о том, что в действительности правительство является главным источником экономической нестабильности.

Глава 4. От колыбели до могилы

Президентские выборы 1932 года послужили для США политическим водоразделом. С момента основания республики и до 1929 года расходы правительства на всех уровнях никогда не превышали 12% национального дохода. Начиная с 1933 года правительственные расходы были не менее 20% национального дохода, а теперь они превышают 40%, и две трети из них составляют федеральные расходы. По этим меркам роль федерального правительства в экономике возросла за последние полвека примерно в десять раз. «Новый курс», появившийся в 1930-х годах, включал в себя программы, направленные на реформирование фундаментальных основ экономики. Некоторые из них были упразднены, когда Верховный суд объявил их неконституционными, прежде всего Национальную администрацию восстановления и Администрацию регулирования сельского хозяйства. Другие институты все еще существуют, например, Комиссия по ценным бумагам и биржам, Национальное управление по трудовым отношениям, общенациональный минимум заработной платы.

«Новый курс» был прерван Второй мировой войной, которая в то же время способствовала укреплению его фундамента. Одним из первых законодательных актов, принятых в послевоенные годы, был Закон о занятости (1946), в котором предусматривалась ответственность правительства за поддержание «максимума занятости, объема производства и покупательной способности», что, по сути дела, возводило кейнсианскую политику в ранг закона. Воздействие войны на общественное мнение было зеркальным отражением того воздействия, которое в свое время оказала депрессия. Последняя убедила людей в том, что капитализм ущербен, а война — в том, что централизованное управление эффективно. Оба вывода ошибочны. Депрессия была вызвана ошибками правительства, а не частных предпринимателей. Что касается войны, то здесь нужно различать временное усиление контроля правительства с одной главной целью, разделяемой почти всеми гражданами, готовыми принести во имя ее большие жертвы; совсем другое дело — постоянный контроль правительства над экономикой с целью продвижения туманной идеи «общего интереса», сформированного на основе совершенно различных и существенно расходящихся целей граждан.

К концу войны казалось, что централизованное экономическое планирование является веянием будущего. Этот вывод страстно поддерживали те, кто видел в нем зарю мира изобилия, распределяемого поровну. Этого не менее отчаянно боялись те, кто видел в этом поворот к тирании и нищете. До настоящего времени не сбылись ни надежды одних, ни страхи других. Правительство сильно увеличилось. Сегодня экспансия правительства принимает форму программ благосостояния и регулирующей деятельности. Как сформулировал У Аллен Уоллис по несколько другому поводу, социализм, который «потерпел интеллектуальное банкротство после того, как на протяжении столетия были один за другим опровергнуты его аргументы в пользу социализации средств производства, теперь стремится к социализации результатов производства».

Вряд ли кто-нибудь может поставить под сомнение два внешне противоречивых феномена: широко распространенную неудовлетворенность результатами бурной деятельности в сфере социального обеспечения и неослабевающее давление в пользу дальнейшего расширения этой деятельности. Цели всегда были благородными, а результаты разочаровывали. Все согласны с тем, что программы социального обеспечения представляют собой адскую смесь, насквозь пронизанную мошенничеством и коррупцией.

Привлекательной альтернативой существующей системе благосостояния выступает отрицательный подоходный налог. Идея отрицательного подоходного налога была широко поддержана людьми и группами различной политической ориентации. В том или ином виде идея отрицательного подоходного налога выдвигалась тремя президентами США, однако в обозримом будущем эта идея не представляется политически осуществимой.

Страхование от безработицы является, по сути дела, признанием государством его обязанности застраховать человека от ущерба, связанного с отсутствием работы. Национальный закон о страховании согласуется с доктриной социализма и едва ли совместим с либерализмом.

Англия и Швеция, долгое время служившие примером процветающих государств всеобщего благосостояния, стали испытывать всевозрастающие трудности. В обеих странах росла неудовлетворенность. Англия встречала все большие трудности при финансировании растущих правительственных расходов. Неудовлетворенность драматическим образом выплеснулась наружу в форме внушительной победы тори на выборах в 1979 году, завоеванной благодаря обещанию Маргарет Тэтчер коренным образом изменить курс правительства.

Сегодня в США девять из десяти работающих платят налоги, чтобы финансировать выплаты тем, кто не работает. Каждый отдельно взятый работник не «зарабатывает» социальную защиту для себя и своей семьи в том смысле, в каком это можно сказать о человеке, делающем взносы в частный пенсионный фонд. Он «зарабатывает» себе защиту только в политическом смысле, удовлетворяя определенным административным требованиям, дающим право на получение пособия. Сегодняшние пенсионеры получают гораздо больше, чем актуарный эквивалент налогов, которые они сами заплатили и которые были уплачены в их пользу работодателями. Молодым людям, которые теперь платят социальные налоги, будет обещано гораздо меньше, чем актуарный эквивалент уплаченных ими и их работодателями налогов. Социальное страхование ни в коей мере не является страховой программой, в рамках которой индивидуальными взносами можно купить эквивалентное страховое возмещение. Как признают даже самые рьяные его сторонники, «взаимосвязь между взносами (т.е. налогами на заработную плату) и получаемыми пособиями крайне незначительна». Социальное страхование скорее представляет собой сочетание специального налога и специальной программы социальных трансфертов.

Долговременные финансовые проблемы системы социального страхования проистекают из одного простого факта: число получателей пособий по линии социального страхования возросло и продолжает расти быстрее, чем число работников, уплачивающих страховые взносы из своих заработков. Программа социального страхования предполагает перераспределение доходов от молодых к пожилым. В определенной мере подобное перераспределение происходило на протяжении всей истории человечества: дети оказывали поддержку своим престарелым родителям или родственникам. Действительно, во многих бедных странах с высоким уровнем детской смертности, таких как Индия, стремление обеспечить себя потомством, которое будет служить опорой в старости, является основной причиной высокого уровня рождаемости и существования больших семей. Разница заключается в том, что система социального страхования является принудительной и обезличенной, а прежняя практика была добровольной и персонифицированной.

Страна все в большей мере подразделяется на два класса граждан: тех, кто получает пособия, и тех, кто платит за них.

Начав с малого в годы «нового курса», правительственные программы обеспечения жильем быстро разрослись. Министерство жилищного строительства и городского развития было создано в 1965 году. Теперь численность его сотрудников составляет 20 тысяч человек, и они расходуют более 10 миллиардов долларов в год. Дома государственного жилого фонда нередко превращаются в трущобы и очаги преступности, особенно молодежной. Самым ярким примером является проект государственного жилого фонда в Сан-Луисе «Прутт-Иго». Он деградировал до такой степени, что часть его пришлось взорвать. В то время было занято только 600 из 2000 квартир, и он выглядел как городской театр военных действий.

Как можно ожидать, что молодежь приобретет хорошие задатки и ценности, если она живет в районе, целиком заселенном распавшимися семьями, и почти все живут на пособие?

Д-р Гэммон в своем отчете вывел теорию бюрократического вытеснения: чем бюрократичней организация, тем в большей мере бесполезная работа вытесняет полезную — интересное расширение законов Паркинсона. Почему результаты всех программ благосостояния так разочаровывают? Без сомнения, их цели были гуманными и благородными. Почему они не были достигнуты? Когда вы тратите деньги, это могут быть ваши собственные либо чужие деньги; вы также можете тратить их на себя либо на кого-то другого. Соединение этих двух пар альтернатив дает нам четыре возможности (рис. 1).

Чьи деньги	На кого тратите?	
	На себя	На кого-то другого
Свои	I	II
Чужие	III	IV

Рис. 1. Как мы тратим деньги

Категория I: вы тратите свои деньги на себя. Предположим, вы делаете покупки в супермаркете. Очевидно, вы очень заинтересованы расходуя деньги экономно и получить максимальную полезность на каждый потраченный доллар. *Категория II:* вы тратите свои деньги на кого-то другого. Например, вы покупаете рождественские подарки. Вы также заинтересованы расходуя деньги экономно. *Категория III:* вы тратите чужие деньги на себя, например, обедаете за счет фирмы. Вас мало заботит снижение расходов, но вы заинтересованы в том, чтобы получить за эти деньги как можно больше. *Категория IV:* вы тратите чужие деньги на другого человека. Вы оплачиваете чей-то обед за счет фирмы. Вам нет дела до экономии, а равно и до того, как накормить вашего гостя обедом.

Все программы социального обеспечения подпадают под категорию III. По нашему мнению, именно это свойство расходов по линии программ социального обеспечения является главным источником их неудач. Законодатели голосуют за расходование чужих денег. Бюрократы, управляющие программами, также тратят чужие деньги. Неудивительно, что расходы на программы быстро возрастают. Но и это еще не все. Сблазн получить чужие деньги велик. Многие, включая бюрократов, управляющих программами, будут пытаться израсходовать деньги на себя, а не на кого-то еще. Этот соблазн поддаться коррупции или мошенничеству силен, и не всегда ему смогут противостоять или подавить его. Этим объясняется тот факт, что так много программ приносят выгоду группам со средними и высокими доходами, а не бедным слоям населения, ради которых они предположительно создавались. Кроме того, чистый выигрыш получателей того или иного трансферта всегда будет меньше общей суммы трансферта. Затраты, связанные с лоббированием законодателей и регулирующих органов, вклады в политические кампании и т.п. являются чистыми потерями, наносящими вред налогоплательщикам и не приносящими никому пользы.

Эти два следствия погони за субсидиями позволяют объяснить причины давления, оказываемого в сторону все большего увеличения расходов, все большего увеличения числа программ. Первоначальные меры не помогли достичь целей, которые ставили прекраснодушные реформаторы, продвигавшие социальные программы. Из этого они делают выводы, что принятых мер было недостаточно.

Такие качества, как независимость и умение самостоятельно принимать решения, атрофируются у получателей субсидий.

Вы можете потратить чужие деньги, только отняв их, как это делает правительство. Применение силы, таким образом, составляет сердцевину государства всеобщего благосостояния — негодное средство, ведущее к извращению благих целей. Что необходимо сделать? Стоит наметить в общих чертах основные элементы подобной программы, не в тщетной надежде на то, что она будет принята в ближайшем будущем, а чтобы дать видение направления, в котором мы должны двигаться, видение, которое может направлять накапливающиеся изменения.

Программа состоит из двух важнейших компонентов: 1) реформирование существующей системы социального обеспечения посредством замены лоскутного одеяла специализированных программ единой всеобъемлющей программой дополнения доходов в денежной форме, т.е. введение отрицательного подоходного налога, соединенного с обычным подоходным налогом; 2) свертывание системы социального страхования без отказа от выполнения текущих обязательств, что постепенно заставит людей самим заботиться о собственном будущем.

Реформа обеспечит гарантированный минимум всем людям, испытывающим нужду, независимо от причин этого и в то же время причинит как можно меньше вреда их характеру, независимости или заинтересованности в улучшении своего положения. Не менее важно и то, что отрицательный подоходный налог приведет к высвобождению огромной армии бюрократов, управляющих множеством программ социального обеспечения.

Отрицательный подоходный налог будет способствовать ликвидации нынешней деморализующей ситуации, при которой отдельные люди, т.е. бюрократы, управляющие программами, распоряжаются судьбами других людей. Это поможет ликвидировать существующее разделение людей на два класса: тех, кто платит взносы, и тех, кто получает поддержку из социальных фондов.

Глава 5. Созданные равными

В первые десятилетия существования США «равенство» означало равенство перед Богом; «свобода» означала свободу распоряжаться своей собственной жизнью. Затем равенство все больше и больше интерпретировалось как «равенство возможностей» в том смысле, что никто не должен быть произвольно лишен права использовать свои способности для преследования своих целей. Ни равенство перед Богом, ни равенство возможностей не вступают в конфликт со свободой распоряжаться собственной жизнью.

Совершенно другое понимание равенства появилось в США в последние десятилетия — равенство результатов. Все люди должны иметь один и тот же уровень жизни или доходов. Равенство результатов находится в явном конфликте со свободой. Попытки обеспечить это равенство явились основной причиной все большего увеличения роли правительства и налагаемых правительством ограничений на нашу свободу.

Ключ к тому, что Т. Джефферсон и его современники понимали под равенством, кроется в следующем положении Декларации: «Все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Равенство перед Богом, т.е. личное равенство, важно именно потому, что люди не одинаковы. Поскольку люди обладают различными ценностями, вкусами и способностями, они выбирают совершенно разные образы жизни. Личное равенство требует уважения к праву людей распоряжаться своей жизнью, а не навязывания им чьих-либо ценностей или суждений. Джефферсон не сомневался в том, что некоторые люди выше других, что они составляют элиту. Но это не давало им права распоряжаться другими. Если элита не имела права навязывать свою волю другим, то такого права не было и у какой-либо другой группы, даже у большинства.

Правительство было призвано защищать это право как от своих сограждан, так и от внешней угрозы, а не предоставлять большинству неограниченную власть.

Глава 6. Что не так с нашими школами?

Мы всегда с полным основанием гордились широкой доступностью школьного образования, а также ролью, которую играли государственные школы в создании благоприятных условий для ассимиляции новых членов нашего общества, предотвращении фрагментации общества и розни, создании условий для того, чтобы люди, имеющие различные культурные и религиозные корни, жили вместе в гармонии.

Профессор Вест убедительно показал, что переход образования под правительственный контроль в Англии, как и в США, был результатом давления со стороны учителей, чиновников и благонамеренных интеллектуалов, а не родителей. Он делает вывод, что правительственный контроль над сферой образования привел к снижению качества и разнообразия школьного образования.

В середине XIX века государственная система школьного образования трактовалась не как «социалистическая», а просто как «американская». Конституция США сильно ограничивала полномочия федерального правительства, и поэтому оно не играло значительной роли. Власти штатов в основном отдавали контроль над школами на откуп местному сообществу. Пристальный родительский контроль над политическим руководством школьной системы частично заменял конкурентную среду и обеспечивал воплощение в жизнь наиболее широко разделяемых пожеланий родителей.

После депрессии произошел быстрый сдвиг власти от местного сообщества к более крупным структурным единицам — крупному городу, округу, штату и, еще позднее, — к федеральному правительству. Доктор Макс Гэммон предложил теорию бюрократического замещения; по его словам, «в бюрократической системе, увеличение расходов непременно сопровождается

сокращением производства... Такие системы действуют как «черные дыры» в экономической вселенной, одновременно засасывая ресурсы и сокращая «выпуск продукции».

Эта теория полностью применима к анализу последствий растущей бюрократизации и централизации государственной системы школьного образования в Соединенных Штатах. За период с 1971/1972 по 1977/1978 учебный год общая численность педагогического состава в государственных школах США возросла на 8%, затраты на обучение одного ученика в долларовом выражении увеличились на 58% (11% с поправкой на инфляцию). Затраты явно выросли. Численность учащихся снизилась на 4%, количество школ также уменьшилось на 4%. При этом качество обучения понизилось еще больше.

В сфере школьного образования родители и дети являются потребителями, а учителя и школьная администрация — производителями. Централизация школьного образования привела к укрупнению подразделений, уменьшению возможности потребителей выбирать и увеличению власти производителей. В сфере школьного образования лишь люди с высокими доходами сохранили свободу выбирать. Мы можем посылать своих детей в частные школы, по сути дела дважды оплачивая их школьное обучение: уплатив сначала налоги, за счет которых финансируется система государственных школ, а потом и во второй раз, внося плату за обучение.

Школьное образование не должно оставаться в подобном состоянии. Одним из способов существенного улучшения обучения является предоставление большего контроля над обучением своих детей всем родителям. Простым и эффективным способом обеспечить родителям больше возможностей выбора, сохраняя при этом имеющиеся источники финансирования, являются ваучеры.

Предположим, что правительство говорит вам: «Если освободите нас от затрат на обучение вашего ребенка, мы дадим вам ваучер, лист бумаги, который можно обменять на обозначенную на нем сумму денег, но только при том условии, что вы используете его для оплаты обучения вашего ребенка в одной из утвержденных нами школ». Благодаря этому у каждого родителя расширится возможность выбора. Государственные школы будут вынуждены соревноваться друг с другом и с частными школами. Одно из преимуществ ваучерного плана состоит в стимулировании постепенного перехода к прямому финансированию образования родителями.

Возникнет обширный рынок, который привлечет много участников, и тех, кто сейчас работает в государственных школах, и тех, кто занят в других сферах. Многие новые школы будут созданы некоммерческими группами. Другие будут созданы с целью получения прибыли. Невозможно предсказать итоговую структуру школьной индустрии. Ее определит конкуренция. Можно сделать лишь одно предположение: выживут только те школы, которые смогут соответствовать потребностям своих клиентов — точно так же, как рестораны и бары. Об этом позаботится конкуренция.

Явный эгоистический интерес чиновников от образования является главным препятствием для введения рыночной конкуренции в сфере школьного образования.

В современной Америке в сфере высшего образования проблемы те же, что и в начальном и среднем: качество и справедливость. Однако отсутствие требования об обязательности высшего образования сильно меняет дело. Студенты имеют широкий выбор колледжей и университетов, если они хотят продолжить образование. Широкий выбор смягчает проблему качества, но обостряет проблему справедливости.

Качество. Поскольку никто не посещает колледж или университет против своей воли, не существует учебных заведений, которые не соответствуют, хотя бы в минимальной степени, требованиям студентов. Однако, в университетах, финансируемых правительством, посещаемость низкая, а заканчивают обучение только 50% студентов. В частных учебных заведениях картина совершенно иная. Колледж продает обучение, а студенты покупают его. Как и на большинстве частных рынков, обе стороны заинтересованы в том, чтобы быть полезными друг другу.

Частные колледжи также получают доход от мемориалов и научной деятельности. Дарители делают пожертвования, поскольку хотят содействовать развитию желаемых направлений. Вдобавок названные в их честь здания, именные оклады профессоров и стипендии также увековечивают память об этих лицах, и поэтому мы считаем их мемориалами. По нашему впечатлению,

образовательная деятельность университетов в целом является тем более удовлетворительной, чем большую роль играет рынок.

Справедливость. Обычно используются два основных аргумента в оправдание финансирования высшего образования за счет средств налогоплательщиков. Один из них состоит в том, что высшее образование обеспечивает «социальные преимущества», превышающие пользу, получаемую самими студентами. Второй довод заключается в том, что государственное финансирование необходимо для обеспечения «равных образовательных возможностей».

Если высшее образование повышает экономическую продуктивность людей, им же и достаются плоды в виде более высокой заработной платы, так что у них есть личная заинтересованность в получении профессиональной подготовки. «Невидимая рука» Адама Смита заставляет частные интересы служить общественному интересу. Субсидирование образования искажает частные интересы и тем самым противоречит общественному интересу. Именно дополнительные студенты, которые пошли бы учиться в колледж при условии субсидирования обучения, считают, что получаемая ими польза меньше их затрат. В противном случае они бы сами оплачивали затраты.

В высшей степени желательно, чтобы каждый молодой человек — независимо от доходов его родителей, социального положения, места жительства или расы — имел возможность получить высшее образование при условии, что он готов оплатить его либо сразу, либо после окончания обучения из своих более высоких доходов, которые будет получать благодаря высшему образованию.

Расходы на образование подобны инвестициям во вновь создаваемый малый бизнес и являются капиталовложением в рискованное предприятие. Наиболее удовлетворительным способом финансирования таких предприятий является не фиксированный заем, а инвестирование в акции, т.е. «покупка» доли в предприятии и получение взамен доли в доходах. Применительно к образованию аналогом этого может быть «покупка» доли в будущих заработках индивида, авансирование ему средств, необходимых для финансирования обучения, при условии, что он согласен выплачивать инвестору заранее установленную долю его будущих заработков. Таким образом, инвестор сможет получить назад от относительно преуспевающих людей больше, чем его первоначальные инвестиции, что компенсирует ему потери, которые он понесет из-за неудачников. Хотя, на наш взгляд, не имеется никаких юридических препятствий для заключения частных контрактов на этой основе, мы полагаем, что они не получили распространения из-за трудностей и затрат на получение денег с должников в течение длительного срока.

В 1955 году Милтон Фридман опубликовал проект «акционерного» финансирования высшего образования, осуществляемого государственным органом, который мог бы предоставлять финансирование или помощь в финансировании профессиональной подготовки любому человеку, отвечающему определенным минимальным требованиям. Он предоставит какую-то ограниченную ежегодную сумму на оговоренное число лет с тем условием, что эти деньги будут истрачены на образование в одном из признанных учебных заведений. Получатель пообещает взамен в каждый последующий год выплачивать государству какой-то определенный процент заработка сверх какой-то определенной суммы за каждую полученную от государства тысячу долларов. Эти выплаты можно без труда совместить с уплатой подоходного налога и таким образом свести до минимума дополнительные административные расходы.

Глава 7. Кто защищает потребителя?

Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах. Никто, кроме нищего, не хочет зависеть главным образом от благоволения своих сограждан.

Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов

Можем ли мы всецело положиться на «невидимую руку» Адама Смита? Череду экономистов, философов, реформаторов и социальных критиков утверждает, что не можем. Себялюбие заставит продавцов обманывать своих покупателей. Они воспользуются невежеством и невежеством своих покупателей, чтобы надуть их и всучить им негодный товар. Вдобавок критики утверждают, что если

довериться рыночным силам, то последствия сделки могут сказаться на людях, не участвовавших в ней. Могут пострадать воздух, которым мы дышим, вода, которую мы пьем. Утверждается, что рынок должен дополняться другими механизмами, которые бы защищали потребителя от него самого и от корыстных продавцов, защищали бы каждого из нас от побочных эффектов рыночных трансакций.

Эта критика «невидимой руки» справедлива. Вопрос состоит в том, отвечают ли своему назначению механизмы, рекомендованные или принятые в дополнение к рынку, либо, как это часто бывает, лекарство окажется опаснее болезни.

Каковы бы ни были провозглашенные цели, все общественные движения двух последних десятилетий имеют одну общую черту. Все они направлены против экономического роста. Агентства, созданные в ответ на требования общественных движений, налагают большие затраты на одну отрасль за другой, чтобы удовлетворять все более детализированным и обширным требованиям правительства. Они противодействуют выпуску и продаже некоторых товаров; они требуют осуществления инвестиций на непроизводственные цели в соответствии с условиями, разработанными правительственными бюрократами.

История Комиссии по межштатному транспорту и торговле является наглядной иллюстрацией естественной логики правительственного вмешательства. Реальное или вымышленное зло влечет за собой требование о принятии соответствующих мер. Формируется политическая коалиция, в которую входят искренние, имеющие благие намерения реформаторы и не менее искренние заинтересованные группы. Несовместимость целей членов коалиции превратно истолковывается с использованием возвышенной риторики. Коалиция добивается от Конгресса (или законодательного органа штата) принятия соответствующего закона. В преамбуле отдается дань риторике, а в основной части закона предоставляются полномочия «сделать что-либо» правительственным чиновникам. Прекраснодушные реформаторы празднуют свой триумф и переключают внимание на новые дела. Заинтересованные группы принимаются за работу, чтобы извлечь выгоду из этих полномочий. Как правило, они в этом преуспевают. Успех плодит все новые проблемы, требующие расширения масштабов правительственного вмешательства. Бюрократия взимает свою дань таким образом, что даже первоначальные особые интересы больше не получают преимуществ. В конечном счете результаты оказываются совершенно противоположными целям реформаторов и, более того, не достигаются цели самих заинтересованных групп. Однако этот вид деятельности настолько прочно укореняется и с ним связано столько опирающихся на закон интересов, что отмена первоначально принятого законодательства оказывается почти невозможной. Вместо этого раздаются требования о принятии все новых законов с целью преодоления последствий, вызванных предыдущим законом, и начинается новый цикл.

Без сомнения, желательна защита людей от вредных и бесполезных лекарств. Однако не менее желательно стимулировать разработку новых лекарств и делать новые лекарства доступными тем, кто нуждается в них, как можно быстрее. Как это часто бывает, одна прекрасная цель вступает в конфликт с другой прекрасной целью. Безопасность и осторожность, с одной стороны, могут означать смерть — с другой.

В настоящее время накоплены значительные свидетельства того, что регулирующая деятельность Управления по надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов пагубна, что она принесла больше вреда, тормозя прогресс в производстве и распространении полезных препаратов, чем пользы, защищая рынок от вредных и неэффективных препаратов. Для Управления высшим приоритетом является избежание риска, вследствие чего у нас есть лекарства более безопасные, но нет более эффективных.

Отнюдь не случайным является то, что Управление, несмотря на самые лучшие намерения, своими действиями отбивает охоту разрабатывать и реализовывать на рынке новые и потенциально полезные лекарства. Поставьте себя на место чиновника Управления, отвечающего за одобрение или неодобрение нового препарата. Вы можете совершить две ошибки: 1. Одобрить лекарство, оказывающее непредвиденное побочное действие, которое приведет к смерти или серьезному ухудшению здоровья относительно большого числа людей. 2. Отказать в одобрении лекарства, которое могло бы спасти жизнь многих людей или облегчить огромные страдания и не имеющее неблагоприятных побочных действий. Если вы сделаете первую ошибку и одобрите, например, талидомид, ваше имя появится на первых полосах всех газет. Вы попадете в суровую опалу. Если вы

совершите вторую ошибку, кто об этом узнает? Даже имея самые лучшие в мире намерения, вы невольно запрещали бы многие хорошие лекарства или откладывали бы их одобрение, чтобы избежать даже отдаленной возможности пропустить на рынок лекарство, которое имело бы побочное действие в виде газетной шумихи.

Широко распространено ошибочное предположение о том, что поведение социальных организмов можно формировать по своей воле. Это фундаментальная ошибка многих так называемых реформаторов. Этим объясняется то, почему они так часто считают, что виноваты люди, а не «система»; что проблему можно решить, «выгнав мошенников и поставив на их место людей, действующих из лучших побуждений». Это объясняет и то, почему реформы, после того как их цели со всей очевидностью достигнуты, часто не идут в нужном направлении.

Комиссия по безопасности потребительских товаров. Очевидно, цель обеспечения большей безопасности товаров благородна, но какой ценой она достигается и каковы критерии ее достижения? «Неоправданный риск» вряд ли является научным термином, поддающимся объективному определению. Более «безопасный» велосипед может быть менее скоростным, более тяжелым и дорогим, чем менее «безопасный». По каким критериям бюрократы из Комиссии могут установить, какой величиной скорости можно пожертвовать, сколько веса добавить и сколько дополнительных затрат можно навязать потребителю, чтобы получить некую (какую именно?) величину дополнительной безопасности?

На большинство этих вопросов не может быть объективных ответов, и все же на них нужно получить однозначные ответы при разработке и издании стандартов. Ответы будут отчасти отражать произвольные суждения государственных служащих, отвечающих за эти проблемы, реже суждения потребителей или обществ потребителей, заинтересованных в рассматриваемом изделии, но главным образом влияние изготовителей этой продукции.

Когда товары попадают на рынок при обычном ходе вещей, всегда есть возможность для эксперимента, проб и ошибок. Конечно, производятся плохие товары, совершаются ошибки, обнаруживаются неожиданные дефекты. Однако ошибки совершаются, как правило, в небольших масштабах и могут быть постепенно исправлены. Потребители могут самостоятельно экспериментировать и решать: какие свойства им нравятся, а какие — нет. Когда в игру вступает правительство в лице Комиссии, ситуация меняется. Должно быть принято множество решений, прежде чем продукт подвергнется массовым пробам и ошибкам в процессе использования. Стандарты нельзя приспособить к многообразию потребностей и вкусов. Они должны единообразно соответствовать всем нуждам. Потребители неизбежно лишаются возможности экспериментировать со множеством альтернатив. Ошибки все равно будут совершаться, и в этом случае они почти наверняка будут крупными.

Движение в защиту окружающей среды несет ответственность за появление одной из наиболее быстро растущих сфер вмешательства федерального правительства. Управление по охране окружающей среды, созданное в 1970 году «с целью защиты и улучшения физической среды», приобретает все возрастающую власть и полномочия. Устанавливаемые им стандарты навязывают промышленности, местным органам власти и правительствам штатов затраты в десятки миллиардов долларов в год. Примерно от одной десятой до четверти расходов на новое капитальное оборудование нацелено на борьбу с загрязнением среды.

Сохранение окружающей среды и предотвращение чрезмерного загрязнения являются реальными проблемами, в решении которых правительство должно играть важную роль. Когда легко выявить все издержки и выгоды любого действия, а также людей, пострадавших и выигравших от него, рынок предоставляет прекрасные инструменты, гарантирующие осуществление только таких действий, выгоды от которых перевешивают издержки всех участников. Но когда издержки и выгоды или люди, которых это затрагивает, не могут быть выявлены, тогда налицо несостоятельность рыночного регулирования, выражающаяся в побочных эффектах или ущербе для «третьей стороны».

Вмешательство правительства является одним из способов, посредством которого можно попытаться компенсировать «несостоятельность рынка» и более эффективно использовать те средства, которые мы готовы заплатить за сохранение чистого воздуха, воды и земли. К несчастью, те же самые факторы, которые делают рынок несостоятельным, затрудняют и правительству принятие удовлетворительных решений. В целом правительству ничуть не легче, чем участникам рынка,

установить, кто именно понес ущерб или выиграл, а также оценить величину ущерба или выгоды каждого из них. Попытки использовать правительство для исправления дефектов рынка часто вели к замене дефектов рынка ошибками правительства.

Говорить следует не об «устранении загрязнения», а о необходимости создания механизмов согласования «приемлемого» уровня загрязнения, т.е. такого уровня, при котором выигрыш от снижения загрязнения несколько превышает приносимые жертвы в виде других прекрасных вещей (домов, одежды и т.д.), от которых пришлось бы отказаться в целях уменьшения загрязнения. Если мы пойдем дальше, то пожертвуем большим, чем приобретем.

В стремлении контролировать загрязнение среды применяется тот же подход, что и при регулировании железных дорог и грузового транспорта, контроля продуктов питания и медикаментов и обеспечения безопасности промышленных товаров. В этой системе отсутствуют эффективные механизмы обеспечения баланса затрат и выгод. Сводя проблему к изданию директив, выполняемых под угрозой силы, система создает ситуацию, предполагающую преступление и наказание, а не куплю-продажу; оперирует категориями «правильно или неправильно», а не «больше или меньше». В результате система имеет те же самые дефекты, что и подобное регулирование в других сферах.

Многие экономисты согласны с тем, что гораздо более эффективным способом контроля загрязнения, нежели существующий метод целевого регулирования и контроля, является введение рыночной дисциплины путем взимания платы за сбросы.

Совершенство невозможно в этом мире. Всегда будут существовать продукция низкого качества, шарлатаны и мошенники. Но в целом рыночная конкуренция, когда ей предоставляется простор, защищает потребителей лучше, чем альтернативные правительственные механизмы, которые все больше налагаются на деятельность рынка.

Другое изобретение рынка — это товарная марка. В интересах корпораций General Electric, General Motors, Westinghouse или Rolls-Royce иметь репутацию производителей, заслуживающих доверия и надежных изделий. Качество — источник их высокой репутации, которая может больше влиять на цену фирмы, чем принадлежащие ей заводы и фабрики.

Глава 8. Кто защищает работника?

Если бы в опросах Гэллага задавался вопрос: «Кто отвечает за улучшение положения работника?», то наиболее распространенным был бы ответ «профсоюзы», затем «правительство», хотя, быть может, преобладали бы ответы «никто» и «не знаю». Однако история США и других западных стран за последние два столетия демонстрирует ошибочность таких ответов.

в Соединенных Штатах более трех работников из четырех не являются членами профсоюзов. Отождествление интересов «профессионального союза» с интересами его членов — это заблуждение. Конечно, в большинстве профессиональных союзов существует связь, и довольно тесная, между этими интересами. Тем не менее достаточно много случаев, когда профсоюзные деятели — действуя законно или с помощью злоупотреблений и незаконного присвоения профсоюзных фондов — извлекали собственную выгоду за счет своих членов. Эта подмена понятий является причиной и следствием общей тенденции переоценки влияния и роли профсоюзов. Профсоюзные акции всегда заметны и широко освещаются прессой. «Торг и соглашения рынка», по терминологии Адама Смита, посредством которых определяются заработки большинства работников в США, гораздо менее заметны, привлекают меньше внимания, и в результате их значимость сильно преуменьшена.

Несмотря на создаваемую видимость того, что профсоюзы защищают низкооплачиваемых работников от эксплуатации работодателей, на деле все обстоит иначе. Наиболее преуспевающие профсоюзы неизменно охватывают работников, профессии которых требуют квалификации и которые получали бы высокую зарплату и без профсоюзов. Эти профсоюзы делают высокую оплату еще выше. Британские школьные учителя и муниципальные служащие наглядно иллюстрируют общий принцип. Их профсоюзы не ведут переговоров с налогоплательщиками, на деньги которых они живут. Они имеют дело с правительственными чиновниками. Чем слабее связь между налогоплательщиками и чиновниками, с которыми имеют дело профсоюзы, тем сильнее у

чиновников и профсоюзов склонность вступать в сговор за счет налогоплательщиков. Это еще один пример того, что происходит, когда люди тратят чужие деньги на других людей. Вот почему союзы муниципальных служащих сильнее в крупных центрах, таких как Нью-Йорк, чем в небольших городках, и по той же причине профсоюзы учителей стали более могущественными после того, как контроль за деятельностью школ и расходами на образование стал более централизованным и более отдаленным от местной общины.

Ключом к пониманию данной ситуации является самый элементарный принцип экономики. Закон спроса гласит: чем больше цена какого-либо товара, тем меньше желающих купить его. Если сделать рабочую силу какого-либо вида более дорогой, это приведет к сокращению числа рабочих мест этого вида. Если повысить расценки на столярные работы, сократится число построенных домов, а в строящихся домах будут использованы методы и материалы, требующие меньше столярных работ.

Преуспевающий профсоюз сокращает имеющуюся в наличии численность рабочих мест в той сфере, которую он контролирует. В результате отдельные люди, которые хотели бы получить работу с зарплатой, установленной профсоюзами, не могут сделать этого. Они вынуждены искать другую работу. Большое предложение рабочей силы на других рабочих местах приведет к снижению оплаты труда на этих работах.

Как удастся профсоюзам навязывать высокие ставки? Один из способов — это насилие или угроза насилия: угроза разрушить собственность работодателей или избить их, если они будут нанимать не членов профсоюза. Более легкий путь — заставить правительство оказать помощь. Другим способом навязывания ставок зарплаты являются законы о минимуме заработной платы. Защитники этих законов представляют их как способ оказания помощи людям с низкими доходами. На самом деле они наносят им лишь вред. Несмотря на всю риторику о помощи бедным, они требуют еще больше поднять минимум зарплаты, чтобы надежнее защитить своих членов от конкуренции.

Закон о минимуме зарплаты вынуждает работодателей дискриминировать людей с низкой квалификацией. Возьмем подростка с низким уровнем образования и низкой квалификацией, чьи услуги стоят, скажем, только 2 доллара в час. Он, может быть, согласится работать за такую плату, чтобы приобрести более высокую квалификацию и в будущем получить более высокооплачиваемую работу. Однако закон требует, чтобы его наняли на работу только в том случае, если работодатель согласен платить ему 2,9 доллара в час (1979 год). Если только работодатель не пожелает добавить 90 центов из соображений благотворительности к тем 2 долларам, которых стоят услуги этого подростка, он не получит работу. Для нас всегда оставалось загадкой, почему для молодого человека будет лучше не быть нанятым на работу за 2,9 доллара в час, нежели быть нанятым на работу, за которую платят 2 доллара в час.

Мы считаем, что закон о минимуме заработной платы является одним из наиболее дискриминационных законов, направленных против черного населения. Сначала правительство создает школы, в которых многие молодые люди, в основном чернокожие, обучаются настолько плохо, что не могут приобрести квалификацию, позволяющую хорошо зарабатывать. Затем правительство наказывает их во второй раз, мешая им предлагать свою рабочую силу за низкую зарплату, которая стимулировала бы работодателей осуществлять их подготовку на рабочем месте. И все это во имя помощи бедным.

Альтернативой навязыванию ставок зарплаты является прямое ограничение численности тех, кто мог бы занять данное рабочее место. Здравоохранение является прекрасным примером, поскольку большая часть деятельности общественных медицинских организаций была направлена на ограничение численности практикующих врачей. Успешное ограничение численности, равно как и навязывание ставок зарплаты, требует помощи правительства.

Для большинства работников наиболее надежной и эффективной защитой является наличие множества работодателей. В силу потребности в его услугах работодатель заинтересован оплачивать ему полную стоимость его труда. Если этого не сделает его собственный работодатель, то с готовностью сделает кто-то другой. Конкуренция за его услуги — вот что является реальной защитой работника. Когда работники получают более высокую зарплату и лучшие условия труда в условиях функционирования свободного рынка, когда они получают прибавку в результате конкуренции между фирмами за лучших работников и вследствие конкуренции между работниками за лучшие рабочие места, эти более высокие заработки выплачиваются не за счет других. Они могут быть

только следствием повышения производительности труда, роста капиталовложений, увеличения разнообразия квалификации и мастерства. Весь пирог становится больше, больший кусок достается работнику, но также и работодателю, инвестору, потребителю и даже сборщику налогов. Именно таким образом свободный рынок распределяет плоды экономического прогресса между людьми. В этом секрет громадного улучшения условий трудящихся на протяжении последних двух столетий.

Глава 9. Лекарство от инфляции

Деньги. Существование общепринятого средства обмена основано на соглашении, которое обязано своим существованием взаимному признанию того, что в определенной мере является фикцией. Соглашение или фикция не являются эфемерными вещами. Хотя ценность денег зиждется на фикции, деньги выполняют исключительно полезную экономическую функцию. В то же время, это своего рода завеса. «Реальными» силами, определяющими богатство нации, являются способности ее граждан, их усердие и изобретательность, ресурсы, находящиеся в их распоряжении, способ их экономической и политической организации и т.п.

В качестве денег в то или иное время использовались поразительно разные вещи. Слово *pecuniary* [денежный] происходит от латинского *pecus*, означающего «скот», одну из многих вещей, которая использовалась в качестве денег. Предметы, использовавшиеся в качестве денег, имели одно общее свойство — их принимали в определенном месте и в определенное время в обмен на другие товары и услуги с уверенностью, что другие точно так же их примут.

Более быстрый рост количества денег по сравнению с количеством товаров и услуг ведет к *инфляции*, к росту цен, выраженных в этих деньгах. Сегодня, когда всеми признанные средства обмена не имеют никакого отношения к товарам, количество денег определяется в каждой крупной стране правительством. Правительство, и только оно несет ответственность за любое резкое увеличение количества денег. Именно этот факт являлся главным источником путаницы с причинами инфляции и средствами излечения от нее.

Ни одно правительство не желает брать на себя ответственность за возникновение инфляции. Правительственные чиновники всегда находят какие-то извинения: алчные бизнесмены, требовательные профсоюзы, расточительные потребители, арабские шейхи, плохая погода и любые другие причины, имеющие хотя бы видимость правдоподобия. Без сомнения, бизнесмены алчны, тред-юнионы требовательны, потребители расточительны, арабские шейхи вздули цены на нефть, а погода часто бывает плохой. Все это может привести к росту цен на отдельные товары, но не может стать причиной повышения уровня цен. Это может привести к временным скачкам инфляции вверх или вниз, но не может вызвать постоянную инфляцию по одной очень простой причине: ни один из подразумеваемых виновников не имеет в своем распоряжении печатного станка.

Почему современные правительства увеличивают количество денег столь быстро? Зачем они вызывают инфляцию, понимая всю ее опасность? Инфляция возникает, если количество денег возрастает существенно быстрее, чем производство, и чем быстрее увеличивается количество денег на единицу продукции, тем выше уровень инфляции. В США ускоренный рост количества денег в обращении на протяжении последних пятнадцати лет происходил по трем взаимосвязанным причинам: в силу быстрого роста правительственных расходов; из-за проводимой правительством политики полной занятости; из-за ошибочной политики Федеральной резервной системы.

Финансирование правительственных расходов путем увеличения количества денег, как правило, чрезвычайно привлекательно для президента и Конгресса. Это дает им возможность увеличивать правительственные расходы — раздавать конфетки избирателям — без законодательного оформления дополнительных налогов и займов у населения.

Инфляционный доход. Финансирование правительственных расходов путем увеличения количества денег кажется волшебством, чем-то вроде получения вещества из пустоты. Возьмем простой пример: правительство строит дорогу, оплачивая расходы свеженапечатанными банкнотами ФРС. Создается видимость, что всем стало лучше. Строители дороги получают зарплату и могут купить еду, одежду и заплатить за жилье. Никто не платит более высоких налогов. В то же время появилась новая дорога там, где ее раньше не было. Кто заплатил за это? Ответ заключается в том, что за дорогу заплатили все собственники денег.

Дополнительное количество денег ведет к росту цен, если они используются, чтобы побудить рабочих строить дорогу, а не заниматься какой-либо другой производительной деятельностью. Это повышение цен сохраняется по мере того, как лишние деньги циркулируют в потоке расходов, который движется от рабочих к продавцам товаров, от этих продавцов к другим и так далее. Повышение цен означает, что на деньги, которые прежде были у людей, теперь можно купить меньше, чем раньше. Дополнительно напечатанные деньги эквивалентны налогу на наличные деньги. Если дополнительные деньги ведут к росту цен на 1%, то каждый держатель денег в конечном счете уплачивает налог в размере 1% своих денежных остатков. Физическим эквивалентом этих налогов являются товары и услуги, которые могли быть произведены при помощи ресурсов, израсходованных на строительство дороги.

Джон Мейнард Кейнс писал об инфляции после Первой мировой войны: «Не существует ни более хитроумных, ни более верных способов ниспровержения существующих основ общества, чем порча валюты. Этот процесс привлекает все скрытые силы экономических законов на сторону разрушения и делает это таким образом, что ни один человек из миллиона не способен поставить диагноз».

Поучительна аналогия между инфляцией и алкоголизмом. Когда алкоголик пьет, сперва наступает положительный эффект; отрицательные последствия приходят на следующее утро. Когда страна ввергается в инфляцию, первоначальный эффект кажется положительным. Увеличение количества денег позволяет тем, кто имеет доступ к ним — в наши дни это в первую очередь правительство, — расходовать больше, не заставляя при этом никого тратить меньше. Число рабочих мест увеличивается, деловая активность оживляется, почти все довольны — вначале. Это положительное следствие. Затем увеличение расходов приводит к повышению цен: рабочие обнаруживают, что их зарплаты, даже если они возросли в долларовом выражении, имеют меньшую покупательную способность; бизнесмены обнаруживают, что их затраты настолько возросли, что дополнительные продажи не будут столь прибыльными, как ожидалось, если не удастся еще больше повысить цены. Начинают проявляться отрицательные последствия: рост цен, сокращение спроса, инфляция в сочетании со стагнацией.

Лечение от алкоголизма легко назначить: прекратить пить. Но его трудно выполнить, поскольку на этот раз отрицательные последствия наступают раньше, чем положительные. Алкоголик, бросающий пить, испытывает жестокие муки, пока не дождется счастливого состояния, когда исчезает непреодолимое желание выпить. С инфляцией дело обстоит точно так же. Первоначальный побочный эффект снижения темпов роста количества денег мучителен: замедление экономического роста и временное повышение безработицы, которые сперва не сопровождаются снижением инфляции. Полезный эффект проявляется примерно через год или два в форме снижения инфляции, оздоровления экономики, создания потенциала для быстрого неинфляционного роста.

История не знает примеров того, чтобы с инфляцией было покончено без промежуточного периода замедления экономического роста и увеличения безработицы. На этом эмпирическом фундаменте покоится наше суждение о том, что нет способов избежать побочных эффектов лечения инфляции. Однако их можно смягчить. Наиболее важным способом смягчения побочных эффектов является постепенное, но неуклонное замедление инфляции — курс должен быть объявлен заранее, а следовать ему нужно неуклонно, чтобы он внушал доверие.

Постепенность нужна, чтобы дать людям время заново отрегулировать свои соглашения, а также подтолкнуть их к этому. Многие люди связаны долгосрочными контрактами — о занятости, о предоставлении и получении денежных займов, о производстве или строительстве, — в которые заложено ожидание вероятных темпов инфляции. Эти долгосрочные контракты затрудняют резкое снижение инфляции и означают, что подобные попытки обернутся для многих крупными потерями. Если дать людям время, эти контракты будут завершены, обновлены или перезаключены, и, таким образом, они смогут приспособиться к новой ситуации. Еще одним средством, доказавшим свою эффективность в смягчении неблагоприятных побочных эффектов лечения от инфляции, является включение в долгосрочные контракты механизма автоматического приспособления к инфляции, известного под названием «скользящая шкала».

Например, займы, как правило, предоставляются в фиксированной сумме в долларах на фиксированный период времени с фиксированной годовой ставкой процента, скажем, 1000 долларов в год под 10%. Альтернативой является установление ставки процента не в размере 10%, а

скажем, 2% плюс темпы инфляции, так что при инфляции 5% ставка процента составит 7%; при инфляции в 10% ставка будет 12%. Либо можно договориться, что долг должен быть возвращен с учетом инфляции. В нашем упрощенном примере заемщик будет должен 1000 долларов, скорректированных на темпы инфляции, плюс 2% за использование кредита. При инфляции 5% он будет должен 1050 долларов, а при инфляции 10% — 1100 долларов; в обоих случаях будут прибавляться 2% за кредит.

Глава 10. Течение меняется

Наша собственная история дает яркое свидетельство важности интеллектуального климата. Этот климат сформировал деятельность замечательной группы людей, которые собирались в 1787 году в Индепенденс-холле в Филадельфии для написания конституции новой страны, в создании которой они принимали участие. Они были с головой погружены в историю и находились под огромным влиянием современного им общественного мнения Англии. Они рассматривали концентрацию власти, особенно в руках правительства, как величайшую опасность для свободы. Исходя из этого, они подготовили проект Конституции. Это документ был направлен на ограничение власти правительства, сохранение децентрализации власти, предоставление человеку контроля над его собственной жизнью.

Позднее в XIX веке и в первые десятилетия XX века интеллектуальный климат в США начал меняться. Произошел сдвиг от веры в индивидуальную ответственность и опоры на рынок к вере в ответственность общества и опоре на правительство. Коль скоро изменение общественного мнения стало массовым, как это случилось после Великой депрессии, Конституция, созданная под воздействием совершенно другого интеллектуального климата, могла в лучшем случае лишь замедлить увеличение власти правительства, но не воспрепятствовать ему.

Сегодня инфляция, высокие налоги и явная неэффективность, бюрократия и чрезмерное регулирование, проистекающие из увеличения роли правительства, заставляют людей брать инициативу в свои руки, искать пути обхода препятствий, чинимых правительством. Пэт Бреннан превратилась в своего рода знаменитость, когда в 1978 году она и ее муж вступили в конкуренцию с Почтовой службой США. Они открыли предприятие в подвале дома в Рочестере, штат Нью-Йорк, гарантировавшее, что в деловой части Рочестера пакеты и письма будут доставляться в день отправки и по более низким ценам, чем это делает Почтовая служба. Вскоре их бизнес начал процветать. Конечно, они нарушили закон. Почтовая служба подала на них в суд, они дошли до Верховного суда и проиграли. Финансовую поддержку им обеспечивали местные бизнесмены.

Пэт Бреннан заявила следующее: Я думаю, что нас ждет молчаливый бунт, и мы, возможно, только начало. Смотрите, люди выступают против бюрократов, хотя несколько лет назад они даже не смели подумать об этом в страхе, что власти раздавят их...Люди начинают понимать, что их судьба является их собственным делом, а не кого-то там в Вашингтоне, кому они совершенно безразличны. Так что это не вопрос анархии, а дело в том, что люди начинают по-новому смотреть на власть бюрократов и отвергают ее».

Интересы направленные versus интересы неорганизованные. Фрагментация власти и противоречивая правительственная политика уходят корнями в политические реалии демократической системы, которая функционирует на основе конкретного и детализированного законодательства. Такая система склонна предоставлять чрезмерную политическую власть малым группам, имеющим четко направленные интересы, придавать большее значение явным, прямым и немедленным последствиям действий правительства, нежели, возможно, более важным, но скрытым, косвенным и отдаленным последствиям, приводить в движение процесс, который приносит в жертву общий интерес, ставя его на службу особым интересам, а не наоборот. В политике «невидимая рука» действует с точностью до наоборот по сравнению с «невидимой рукой» Адама Смита. Людей, имеющих намерение продвигать общий интерес, «невидимая политическая рука» ведет к тому, чтобы, вопреки собственным намерениям, продвигать особый интерес.

Рассмотрим правительственную программу благоприятствования торговому флоту с помощью субсидий на строительство судов и торговые операции, и закрепления большей части каботажных перевозок за судами под американским флагом. Затраты налогоплательщиков оцениваются примерно в 600 миллионов долларов, или 15 000 долларов в год на каждого из 40 000 занятых в

отрасли. Судовладельцы, управляющие и работники очень заинтересованы в принятии и осуществлении этих мер. Они щедро тратят деньги на лоббирование и политические пожертвования. С другой стороны, если разделить 600 миллионов долларов на 200 миллионов человек населения, это составит 3 доллара на человека в год, или 12 долларов на семью из четырех человек. Кто из нас будет голосовать против кандидата в Конгресс только потому, что он навязал нам эти затраты? Кто из нас сочтет разумным тратить деньги на то, чтобы помешать принятию этих мер, или хотя бы тратить время на получение информации о подобных вещах?

Бюрократия. Городское собрание в Новой Англии — вот образ, который сразу приходит на ум. Люди, которыми управляют, знают и могут контролировать людей, которые управляют; каждый человек может выражать свою точку зрения; повестка дня коротка, чтобы каждый мог получить достаточно информации как о важных, так и о незначительных вопросах. По мере того как сфера деятельности и роль правительства расширяются — охватывая более обширную территорию или население либо выполняя более широкий набор функций, — связь между управляемыми и управляющими ослабляется.

Бюрократия, необходимая для функционирования правительства, все увеличивается и все больше вклинивается между гражданами и представителями, которых они выбирают. Она становится, с одной стороны, механизмом, при помощи которого особые интересы могут достигать своих целей, а с другой — носителем самостоятельного особого интереса, выступая, таким образом, важной составной частью нового класса,

Почти сто лет назад А.В. Дайси объяснил, почему столь убедительны риторические обращения к общему интересу: «Благотворные последствия вмешательства правительства, особенно в законодательной форме, проявляются прямо, непосредственно и, так сказать, наглядно, в то время как пагубные последствия этого открываются лишь постепенно и косвенно и находятся вне поля нашего зрения. Поэтому большинство людей неизбежно будет с чрезмерной благосклонностью смотреть на вмешательство правительства».

По нашему мнению, нам необходим эквивалент Первой поправки к Конституции для ограничения власти правительства в экономической и социальной сферах — своего рода *экономический Билль о правах*. Писаная конституция не является ни необходимым, ни достаточным условием развития или сохранения свободного общества. Хотя Великобритания всегда имела лишь «неписаную» конституцию, она стала свободным обществом. Многие латиноамериканские страны, конституции которых повторяют Конституцию Соединенных Штатов практически слово в слово, не преуспели в установлении свободного общества. Для того чтобы писаная или неписаная конституция была эффективной, она должна быть поддержана общественным мнением, большинством населения и его лидерами. Когда изменяется интеллектуальный климат общества, меняется и политика.

Поскольку волна общественного мнения, поддерживающая либерализм «нового курса», достигла своего пика, общенациональная дискуссия, вызванная разработкой подобного Билля о правах, послужит гарантией того, что общественное мнение повернет в сторону свободы, а не тоталитаризма. Она распространит лучшее понимание проблем, вызванных увеличением роли правительства, и возможных способов их решения.

Ограничение налогов и бюджетных расходов. Принятие поправок ограничит бюджет и приведет к изменению базовых условий, в которых законодатели принимают решения. Цель заключается в том, чтобы заставить особые интересы конкурировать друг с другом за долю фиксированного пирога, вместо того чтобы позволить им тайно сговориться друг с другом и увеличить пирог в ущерб налогоплательщикам.

Постепенное снижение доли нашего дохода, которая расходуется правительством, послужит главным вкладом в развитие более свободного и сильного общества. Но это будет лишь одним шагом в этом направлении. Многие наиболее разрушительные виды правительственного контроля над нашей жизнью не требуют от правительства больших расходов: например, контроль над тарифами, ценами и заработной платой, лицензирование занятости, регулирование производства и потребления. В этом отношении наиболее обещающим представляется установление общих правил, ограничивающих полномочия правительства.

Международная торговля. Сегодня Конституция устанавливает: «Ни один штат не может без согласия Конгресса облагать какими-либо пошлинами или сборами ввоз или вывоз, за исключением случаев, когда это может быть абсолютно необходимо для исполнения инспекционных законов штата». Поправка может быть сформулирована следующим образом: «Конгресс не может облагать какими-либо пошлинами или сборами ввоз и вывоз, за исключением случаев, когда это может быть абсолютно необходимо для исполнения инспекционных законов». Атака на все тарифы консолидирует наши интересы как потребителей в противостоянии особому нашему интересу как производителей.

Контроль над зарплатой и ценами. «Конгресс не должен издавать ни одного закона, ограничивающего свободу продавцов товаров или труда назначать цены на свои продукты или услуги».

Лицензирование занятости. «Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают право любого гражданина Соединенных Штатов заниматься любой деятельностью или профессией по своему выбору». Все три предыдущие поправки могут быть заменены единственной поправкой, в которой за образец взята Вторая поправка к Конституции (гарантирующая право на хранение и ношение оружия): «Право людей покупать и продавать разрешенные законом товары и услуги на взаимно приемлемых условиях не должно нарушаться Конгрессом или каким-либо штатом».

Налогообложение. На бумаге налоговые ставки сильно дифференцированы — от 14 до 70%. Но в законе так много лазеек и особых привилегий, что высокие ставки почти одна видимость. Низкая единообразная ставка, составляющая менее 20% на все доходы принесет бюджету больше доходов, чем существующая громоздкая структура.

Налог на прибыль корпораций также страдает многими недостатками. Это скрытый налог, который население, не осознавая этого, платит через цены при покупке товаров и услуг. Он создает двойное налогообложение корпоративного дохода: в первый раз — корпорации, во второй раз — акционеров после распределения доходов. Он наказывает инвестирование капитала и, таким образом, является помехой росту производительности. Он должен быть отменен.

Здесь необходима поправка, отменяющая существующую Шестнадцатую поправку, санкционирующую налоги на доходы, и замена ее нижеследующей: «Конгресс правомочен устанавливать и взимать налоги на доходы физических лиц, из каких источников они ни были бы получены, без распределения этих налогов между штатами и безотносительно к каким-либо переписям или исчислениям населения, при условии, что единая ставка налога применяется ко всем доходам сверх профессиональных расходов и расходов, связанных с ведением бизнеса, и фиксированной персональной скидки. Слово «лицо» исключает корпорацию и другие искусственно созданные лица».

Защита от инфляции. Требуется расширение положения Пятой поправки, устанавливающей, что «никто не может быть лишен жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры; частная собственность не должна изыматься для общественного пользования без справедливого возмещения». Соответствующая поправка должна установить, что: «Все контракты между правительством США и другими сторонами, заключенные в долларах, и все суммы в долларовом выражении, содержащиеся в федеральных законах, должны ежегодно корректироваться с учетом изменения общего уровня цен в предшествовавшем году».

Заключение. Две взаимосвязанные идеи свободы личности и экономической свободы нашли свое величайшее осуществление в Соединенных Штатах. Эти идеи во многом еще с нами. Мы насквозь пропитаны ими. Они составляют основу нашего бытия. Но мы отклонились от них. Мы стали забывать основополагающую истину о том, что величайшей угрозой свободе человека является концентрация власти в руках правительства или кого бы то ни было. К счастью, мы пробуждаемся. Мы снова осознаем опасность сверхуправляемого общества, приходим к пониманию того, что благие цели могут быть извращены негодными средствами и что доверие к способности свободных людей контролировать собственную жизнь в соответствии с собственными ценностями является вернейшим путем к наиболее полному раскрытию потенциала великого общества.